

жестокого или беспощадного. Здесь нарратор (в других случаях щедрый на подробности и определяющие характеристики персонажей эпитеты) вкладывает весьма краткий рассказ о подвигах Алексея в уста военачальников, которые лишь сообщают царю, что «от рядов российских отделился молодой воин и с мечом в руке бросился на неприятелей», а затем «гнал, разил неприятеля и собственною рукою пленил их предводителя» [3, с. 86], а также характеризуют героя как «непобедимого юношу, спасителя отечества» и человека, «достойного всей <...> милости» государя [3, с. 86 – 87].

Очевидно, что все приведённые выше примеры демонстрируют последовательный отказ повествователя от изображения каких-либо признаков пусть даже вынужденной «суровости» характера Любославского в пользу его трогательной чувствительности, мягкости и добродушия. В связи с этим, упоминание о гневе такого героя должно иметь некий дополнительный, весьма важный для раскрытия образа этого персонажа смысл. В настоящем случае можно предположить, что одновременное обнаружение в тексте произведения «тёмной» и «светлой» сторон души Алексея, – проявляющихся, соответственно, в его гневе и нежности, – призвано снова, и в последний раз возратить читателя к проблеме амбивалентности образа героя. Такое допущение представляется правомерным, особенно, если учесть, что данный намёк на возможную «двойственность» натуры Алексея – последний в повести, а почти сразу после него следует пространная «исповедь» самого Любославского, содержание которой способно полностью устранить загадочность образа «суженого» Натальи, а также убедить читателей в «порядочности» молодого человека и его абсолютной «неопасности» для возлюбленной. Любопытно отметить, что правдивый рассказ Алексея о его злоключениях не просто объясняет и оправдывает странное поведение юноши. В финале этой «исповеди» даже такой неблагоприятный поступок Любославского как подкуп Натальиной няни как бы косвенно «реабilitируется» признанием героя в том, что он (как и подобает чувствительному «любовнику»!) слёзно упростил священника, а не купил его благословение при помощи денег:

«Священник загородной церкви, который нас венчал, был не подкуплен, а упрощен мною: слёзы мои тронули старца (курсив мой. – А. Т.)» [3, с. 79].

«Отзвук» темы непорядочности и опасности Алексея ещё раз появляется после «исповеди», но теперь уже в качестве нереализованного в произведении сюжетного хода. Речь идёт о сцене, где царь и боярин Матвей, не зная обстоятельств побега, называют героя «злодеем» и «соблазнителем». Высказывания государя и боярина местами почти дословно повторяют отступление повествователя на тему трагического сюжета о женихе-разбойнике. «Чело <...> монарха помрачилось гневом. “Кто сей недостойный соблазнитель? – сказал он. – Но везде найдёт его грозная рука правосудия”» [3, с. 81]. Фраза, в которой герой назван «недостойным соблазнителем», напоминает слова повествователя о «прельщенной невинности» и «обманутой любви» Натальи. Мотив «соблазнения» повторяется и в словах Матвея: «Может быть, какой-нибудь злодей обольстил невинную и после бросит, погубит её...» [3, с. 81].

Несомненное сходство представлений царя и боярина Матвея о произошедшем побеге и его последствиях для Натальи с предлагаемым повествователем гипотетическим «страшным» поворотом событий в духе сказки о разбойниках или авантюрного романа – не случайное совпадение. Данные высказывания монарха и несчастного отца девушки – последний «отголосок» мотива возможной опасности и непорядочности Алексея, вложенный в уста персонажей повести, не знающих, согласно сюжету, истинного положения дел и потому заблуждающихся относительно намерений молодого человека. Мрачные опасения боярина Матвея относительно «губительности» Любославского для его дочери действительно становятся моментом, логически завершающим ряд «намёков» на нереализованный в произведении «негативный», трагический сюжет. Поэтому следует предположить, что идущее вскоре за этим последним «намёком» обстоятельное изображение идиллической картины «счастья юных супругов и любовников, сокрытых лесным мраком от целого света» [3, с. 82], приобретает функцию заключительного и бесспорного «доказательства» того, что повествователь излагает своим читателям историю счастливой любви, а Алексей – не «злодей» или «соблазнитель», а чувствительный герой и идеальный муж, способный подарить Наталье счастье и покой.

В заключение следует отметить, что в тексте «Натальи, боярской дочери», в реплике главной героини – «Уехать тихонько из дому родительского? Что же будет с батюшкою? Он умрёт с горя, и на душе моей останется страшный грех (курсив мой. – А. Т.)» [3, с. 70] – определённо содержится ещё один потенциальный трагический сюжет, который почти сорок лет спустя будет «реализован» А. С. Пушкиным в повести «Станционный смотритель», четвёртой в цикле «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» (1830).

Изучение поэтических принципов в повестях писателя поможет расширить наши представления о масштабах новаторства карамзинской прозы в целом, по праву оценить её достоинства в одном ряду с достижениями прозы пушкинской.

Список литературы:

1. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. [1939] М.: Аспект Пресс, 1999. – 453 с.
2. Ефимов А.И. История русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1961. – 322 с.
3. Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза. М.: Московский рабочий, 1986. – 527 с.
4. Орлов П.А. Русская сентиментальная повесть // Русская сентиментальная повесть. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 336 с.
5. Фёдоров В.И. Исторические повести Н. М. Карамзина (К характеристике литературно-общественных взглядов Н. М. Карамзина и его современников). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955. – 17 с.
6. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 372 с.

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Уразгалиева Оксана Акбулатовна

Аспирант факультета филологии и журналистики АГУ, г. Астрахань

В последние десятилетия круг лингвистических исследований значительно расширился: в него включаются все аспекты речевой деятельности и речевого взаимодействия. Сдвигом для таких изменений в научной парадигме явились экстралингвистические факторы: в обществе сформировался социальный заказ на знание закономерностей человеческого общения, возникла потребность в информации, учитывающей в максимальной степени феномен человека со всеми его социальными, психическими и этнокультурными характеристиками.

Одной из актуальных исследовательских задач становится наблюдение за использованием языка в социальном контексте, изучение социальной вариативности языкового употребления, внимание к языковым формам, определяемым социальным контекстом. Аспекты процесса речевой регуляции поведения человека интенсивно исследуются и лингвистами, и психологами, и социологами, и представителями других смежных дисциплин, ориентированных на Человека говорящего.

В связи с этим нельзя не сказать о таком понятии как «стратегия», которое получило распространение во многих науках. Термин «стратегия» не лингвистический, и в исходном значении определяется как «высшая степень военного искусства», «охватывает вопросы теории и практики подготовки вооруженных сил к войне, ее планирование и ведение» [1, с. 524]. Из определения видно, что в основе лексического значения данного понятия лежит идея планирования действий, связанных с противоборством. Поведенческие стратегии оказываются наиболее близкими к речевым стратегиям.

Безусловно, стратегия не может быть спонтанной, не может использоваться без четко поставленной цели; эффективность ее применения зависит от соответствия стратегии поставленной задаче.

Существует несколько трактовок стратегий и тактик поведения в коммуникации. Е. В. Клюев рассматривает стратегию в коммуникации как совокупность запланированных говорящим и реализуемых в ходе коммуникативного акта действий, а под тактикой понимает совокупность практических шагов в процессе реального общения [3, с. 18]. В.С. Третьякова под коммуникативной стратегией понимает принятое решение говорящего о последовательных речевых действиях, которые будут определять его ключевое поведение [5]. И. Н. Борисова определяет тактику общения как использование коммуникантами речевых умений для построения диалога в рамках определенной стратегии [2, с. 25].

Если ставится цель достичь определенных длительных результатов, стратегия речевого поведения охватывает весь процесс коммуникации. Планирование речевой коммуникации, включающееся в речевую стратегию, зависит от определенных условий общения и личностей коммуникантов. «Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, с. 420].

Стратегии речевого поведения традиционно делятся на две группы: стратегии речевого информирования (т.е. стратегии речевого поведения, направленные на обмен информацией между автором и его получателем) и стратегии речевого воздействия (т.е. стратегии речевого поведения, направленные на воздействие автора на получателя). Поскольку само речевое воздействие может быть

прямым, косвенным и скрытым, то и стратегии речевого воздействия можно разделить на стратегии прямого речевого воздействия, косвенного речевого воздействия и скрытого речевого воздействия. Каждый из видов стратегий речевого воздействия (стратегии прямого речевого воздействия, косвенного речевого воздействия и скрытого речевого воздействия) представлен отдельными типами стратегий.

Так, например, среди стратегий прямого речевого воздействия Г.Г. Матвеева выделяет стратегию сотрудничества [4, с. 421]. Речевая стратегия сотрудничества находит реализацию в политическом дискурсе, который в таком случае рассматривается как вариант кооперативного общения. Стратегии сотрудничества предполагают установление контакта между коммуникантами. Стратегия сотрудничества представляется нам одним из «инструментов политической игры», позволяющим установить политически корректную коммуникацию.

Стратегия сотрудничества характеризуется высоким уровнем направленности как на собственные интересы, так и на интересы соперника. Данная стратегия строится не только на основе баланса интересов, но и на признании ценности межличностных отношений.

Анализируя стратегию сотрудничества в конфликтном взаимодействии, следует учитывать некоторые обстоятельства. Прежде всего, особое место в выборе данной стратегии занимает предмет конфликта. Если предмет конфликта имеет жизненно важное значение для одного или обоих субъектов конфликтного взаимодействия, то о сотрудничестве не может быть и речи. В этом случае возможен лишь выбор борьбы, соперничества. Сотрудничество возможно лишь в том случае, когда сложный предмет конфликта допускает маневр интересов противоборствующих сторон, обеспечивая их сосуществование в рамках возникшей проблемы и развитие событий в благоприятном направлении.

Следует отметить, что стратегия сотрудничества включает в себя все многие другие стратегии, такие как уход, уступка, компромисс, противоборство. Они играют в сложном процессе сотрудничества подчиненную роль.

Являясь одной из самых сложных стратегий, стратегия сотрудничества отражает стремление противоборствующих сторон совместными усилиями разрешить возникшую проблему.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия: В 30 т. Изд. 3-е. М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978, 524 с.
2. Борисова, И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996.
3. Клюев, Е.В. Риторика (Инвенция, Диспозиция, Элокуция) / Е.В. Клюев. – М.: ПРИОР, 2001. – 272 с.
4. Матвеева, Г.Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов-на-Дону: ДЮИ, 1999, 420-421 с.
5. Третьякова, В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. ...д-ра филол.наук / В.С. Третьякова. – 2003. – 301 с.